

“ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ УРБАНИЗМ” НИКОЛАЯ АНЦИФЕРОВА (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2009 г. Д. С. Московская

В статье охарактеризовано научное наследие выдающегося историка-урбаниста, литературоведа, автора фундаментальных междисциплинарных исследований Н.П. Анциферова (1889–1958). Главное внимание уделено духовно-культурному контексту формирования его методологии “литературоведческого урбанизма” – научного подхода к изучению “городского текста” русской литературы. Впервые в научный оборот вводятся материалы его диссертационного исследования “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе”.

The article characterizes the scholarly heritage of the outstanding historian-urbanist, literary historian and the author of fundamental interdisciplinary studies N.P. Antsiferov (1889–1958). It is focussed on the spiritual and cultural context of the formation of his methodology of “urbanistic literary criticism” – the scholarly approach towards a “city text” in Russian literature. It is the first time that material from his dissertation “Problems of Urbanism in Russian literature” is brought to light.

Имя историка-градоведа, культуролога – исследователя литературного образа северной столицы, автора знаменитой “петербургской трилогии”: “Душа Петербурга” (1922), “Петербург Достоевского” (1923), “Быль и миф Петербурга” (1924) – хорошо известно современным ученым-гуманитариям. Заданная его книгами тема отношения урбанистической художественной образности к реальному источнику – городскому ландшафту, способствовала появлению работ аналогичной тематики Д.С. Лихачева [1, с. 5–13], К.А. Кумпан и А.М. Конечного [2, с. 180–189], Н.В. Корниенко [3, с. 210–248.], В.Н. Топорова [4] и др. Опубликованные А.И. Добкиным [5] в начале девяностых годов воспоминания Анциферова раскрыли духовный облик и драматическую судьбу ученого в “железном самотеке” российской истории XX века.

Человек поистине трагической судьбы (Анциферов потерял в войнах и революциях всех своих детей, три раза был сослан, почти восемь лет в общей сложности – в 1925, 1929–1933, 1937–1939 гг. – провел в заключении), он оставил богатое научное наследие: работы, опубликованные и неопубликованные. В настоящей статье представлены важнейшие вехи научной биографии исследователя, охарактеризованы главные этапы формирования его концепции “литературоведческого урбанизма” – методологии изучения “городского текста” русской литературы, которая была блистательно продемонстрирована в итоговом научном исследовании Н.П. Анциферова – диссертации “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе” (1944).

Интерес Анциферова к местной истории и культуре, как свидетельствуют его воспоминания, формировался под влиянием детских впечатлений.

Культуролог-градовед, он по рождению не был горожанином. Его детской родиной стала усадьба графа Потоцкого, Софиевка, – шедевр архитектурно-паркового искусства XVIII века среди украинских степей. Рукотворная красота парка на фоне дикой природы явилась первым сильным переживанием художественного ландшафта, позже отразившемся в подходе ученого к художественному творчеству: характерной чертой его историко-литературных штудий станет скрупулезное составление итinerary – списков адресов, связанных с жизнью и творчеством русских писателей.

Софиевка, место рождения Николая Павловича, стала местом смерти и упокоения его отца, Павла Григорьевича. Анциферов неоднократно возвращался на родину. Во время последнего посещения, незадолго до третьего своего ареста в 1937 г., он нашел сельское кладбище разрушенным. В разросшейся траве он с трудом отыскал каменный цоколь надгробия с родным именем. Камень уцелел и сохранил историческую память. Камни тех местностей, где довелось побывать Анциферову, по свидетельству Г.В. Коган, его друга и сотрудника по Литературному музею, в первую очередь давали направление его мыслям. Древние камни, замостившие площади великих городов, что стали частью личной биографии Анциферова, – Киева, Венеции, Рима, Флоренции, Москвы и Петербурга, преобразованные в статуи, дворцы и храмы, мыслились им *ковчегом былого*, хранилищем исторической памяти об ушедших отцах и исчезнувших культурах.

После смерти отца семья Анциферовых переехала в Киев. Первое “урбанистическое” впечатление оставило неизгладимый след в его памяти. Монументальный облик города приобщил его к исто-

рии России как древней европейской державы. В годы Великой Отечественной войны в статье, посвященной освобождению Киева, он, опираясь на впечатления детства, назвал его “наследником эллинского мира” – колыбелью русской культуры. В архитектурных формах Софийского собора, в “великом угасшем искусстве” его мозаик Анциферов угадал сходство с мозаиками Рима, Равенны, Палермо, в его фресках с бытовыми мотивами увидел единство жизни Киева со всей Европой: «Его нельзя назвать “окном в Европу”, потому что не было тогда никакой стены, отторгавшей Русь от Западного мира» [6, л. 1, 3]. Из газетной публикации эта фраза была изъята цензурой [7, с. 1].

Киев сформировал, а “петербургский период” жизни укрепил разделенную им с Герценом и Достоевским любовь к “двум родинам” – России и Европе. Спустя сорок пять лет, в своей диссертации, посвященной образу города в творчестве Достоевского, в 16-й ее главе, где в наибольшей степени сохранились личные интонации автора, он написал: «Для Достоевского, как для русского человека <...> существуют две родины: Россия и Запад. И славные города, носители великой культуры, для него родные города. Он слышит речь их камней, и как не услышать, когда они для него “вопиют доселе”. Ведь “каждый камень... гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку!”»

Киев усилил интерес Анциферова к истории: мальчик углубился в изучение прошлого Украины. Городские ландшафты пробудили в нем желание отыскать первоисточник литературных пейзажей любимых произведений Гоголя, сформировали стремление сопоставлять собственные переживания от встречи с местностью с литературными ее образами и историческими судьбами жителей.

Учеба в Первой Киевской гимназии (интерьер которой по воле однокашника Анциферова М.А. Булгакова стал местом действия “Дней Турбиных”) должна была продолжиться в Петербургском университете. По признанию Анциферова, в первый приезд в 1908 г. в северную столицу городские панорамы не увлекли его: “Петербург! Прямые линии, прямые углы. Серый гранит. Белая пелена широкой застывшей Невы. Иней на колоннах Исаакия. Какой холод! Застыл в своем порыве грозный Петр. Застыли царственные сфинксы. <...> Как все здесь не походило на широкий радужный быт Софиевки!” [5, с. 130]. Роднее его сердцу была Москва, которую он впервые увидел весной 1903 г. Она сразу полюбила его, породив желание поселиться там, “где все дышало родной стариной, где Кремль, Художественный театр, Третьяковская галерея” [5, с. 134–135]. Северная столица, как некогда для провинциала В.Г. Короленко, была в его глазах лишь пышной оправой для *единственного драгоценного камня* – и этим камнем был универси-

тет. “Петербург – это русские Афины. Стольный город русской духовной культуры”, к которой на равных хотел принадлежать он сам.

Однако провал на выпускном экзамене в гимназии на время закрыл ему переход в “землю обетованную”. Как вспоминал Николай Павлович, он тяжело пережил неудачу. С детства ему было присуще отношение к слову “по Платону”, т.е. придание его смыслу объективного значения. Свою родовую фамилию он возводил к греческому имени “Оницифор”, что означает “приносящий пользу”. Мучительным показался ему тогда разрыв между жизненной программой, заданной этим именем, и жестоким сопротивлением действительности в ее выполнении. Он отчасти испытывал ощущения, раскрытые им позже в диссертации на материале произведений Некрасова, – “комплекс неудачника-провинциала в столице”, и, вооруженный новым для себя урбанистическим опытом мечтателя-неудачника и городского фланера, иначе воспринимал петербургские мотивы любимых писателей: Пушкина, Герцена, Белинского, Достоевского, Толстого, Блока.

В тот год Петербург вдруг раскрылся ему в своей бытовой фантастике, и все его жители “были под властью этого страшного мира”. “Мучительной и страшной загадкой” оставалось, как “с этой грязью, с этим ночным мраком могут сочетаться и искания правды, и духовное горение, и даже – чистая любовь” [5, с. 137]. В “дионисийстве” природы родного Крыма он не видел ни мрака, ни духовной нечистоты. То, что в ней было грозного, если и было хаосом, то хаосом древним и родимым. Ужасным в тот приезд показался ему “другой хаос – чужой”, тот, что “шевелился на ночных улицах большого города при свете электрических фонарей” [5, с. 138].

Студентом историко-филологического факультета Анциферов стал в 1909 г. И Петербург открыл ему иное обличье, предстал “городом солнца и числа”, как позже автору городских “Столбцов” Заболотскому, переехавшему сюда для продолжения учебы из “азиатской” Москвы. Европейской архитектурой, рациональной планировкой и чужим русскому глазу природным ландшафтом он утверждал справедливость веры университетских студентов в свое особое назначение. Петербург – авангард исторических преобразований, Университет – очаг революции. В воспоминаниях Анциферова возникает образ старой университетской физической аудитории в потемневшем здании из красного кирпича – “Зал для игры в мяч”, как его прозвали студенты. Уже самое наименование этого места, где проходили совещания студенческого актива по подготовке сходок, говорило об общем пристрастии тех лет к свершениям Великой Французской Революции. Традиции революционного Петербурга были традициями протестов против нарушений справедливости. Они восходили к политической экзаль-

тации и возвышенному патриотизму Робеспьера, принесшего вместе со своими соратниками 20 июня 1789 г. в Зале для игры в мяч священную Клятву не расходиться до тех пор, пока не будет выработана Конституция. «Какой наивной кажется теперь моя вера в близость революции, которую вызовет наше движение, проникнутое идеалом гуманизма и *нафосом свободы*. Нами завершалась та линия исторического развития, которая вела свое начало от декабристов. Мы, как они, были бесконечно далеки от народа, и мы с горечью не понимали, почему “народ безмолвствовал”», – записал в своем дневнике Анциферов, когда в ходе реализации рожденной Петербургом революционной программы многие из принесших “клятву” эмигрировали, были объявлены “врагами народа”, сосланы в лагеря или казнены.

Во время студенческой забастовки 1911 г. Анциферов вместе с несколькими товарищами отправился в Париж, чтобы познакомиться с местами, которые были связаны с Французской революцией конца XVIII века. По его признанию, эта поездка пробудила в нем интерес к исторической топографии и локальному методу изучения исторических событий и явлений.

Петербургский университет подсказал Анциферову еще одну историческую идею столицы – “всемирную отзывчивость”. Он с теплотой вспоминал витрины землячеств, расположившихся в простенках университетского коридора, с видами родных городов. В хронотопической образности древнерусской литературы Анциферов увидел тогда подтверждение своим идеалам: “Не русское государство, не русская нация, а *русская земля* – вот тот образ, который нам завещан летописью” [5, с. 190]. Вслед за провинциалом Гаршиным он хотел видеть в Петербурге духовную родину для разнородных уроженцев, связующую собой разнотельный организм России. Впрочем, литературоведческие работы Анциферова засвидетельствовали, что идея Петербурга как города, “который болеет и радуется за всю Россию” [8, с. 104], осталась в творчестве Гаршина художественно не воплощенной.

Университетские землячества были воодушевлены идеей служения русскому народу и русской культуре. Это воодушевление разделяли Анциферов и его будущая жена, бестужевка Татьяна Оберучева. Будучи студентом второго курса, Анциферов стал организатором Эрмитажного кружка университетской молодежи для изучения музейных экспозиций с целью создания кадров для экскурсионной работы с рабочими. Тогда же он начал читать лекции на Обуховском заводе. Эрмитажным кружком было положено начало экскурсионной работе с широкими массами, развернувшейся в Петрограде в первые пореволюционные годы [9, л. 1]. Работа, начатая в 1910 г., была прервана “студенческой революцией” и возобновилась в 1912 г. после

поездки с профессором Петербургского государственного университета И. М. Гревсом по Италии.

Петербург дал Анциферову больше того, на что он мог рассчитывать. В лице Ивана Михайловича Гревса молодой человек нашел друга, готового заменить давно умершего отца, и руководителя, чья методология оказалась близка научному мирозерцанию ученика. К моменту поступления в университет Анциферов уже имел опыт самостоятельного исторического осмысления действительности, собирания и систематизации исторических свидетельств, которые он находил в монументальном облике города, материальных формах его быта, образах художественных произведений – литературы и пластического искусства.

Годы обучения на историко-филологическом факультете приобщили Анциферова к научным традициям и направлениям петербургской школы историков. Ее специфической особенностью было восстановление научных прав источника. Именно Петербургский Университет, Академия наук и Археологическая комиссия, где отрабатывалась система источниковедческих приемов исторического исследования, стали институциональной основой ее формирования. Ко второму поколению петербургских ученых-историков принадлежал наставник Анциферова И.М. Гревс и целая плеяда блестящих преподавателей факультета – А.С. Лаппо-Данилевский, Е.Ф. Шмурло, А.А. Шахматов, А.Е. Пресняков, Н.П. Павлов-Сильванский, Б.А. Тураев, М.И. Ростовцев, Э.Д. Гримм.

В трудах коллеги и друга Гревса А.С. Лаппо-Данилевского различались два противоположных метода научного познания – идиографический (индивидуализирующий) и номотетический (обобщающий). Не отказывая в научной ценности ни одному из них, Лаппо-Данилевский утверждал, что номотетическое построение истории недостаточно для осуществления задач собственно исторического изучения действительности. По его мнению, “в основе его лежит идиографическое знание, получающее, однако, научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуального” [10, с. 28].

Методика научной работы историков Петербургского университета предполагала изучение исторической действительности с идиографической точки зрения, когда предметом исследования является не общее, а единичное, с собственным именем и отмеченное топографическим и хронологическим указанием. Предмет рассматривался вместе как целое и как часть целого. Понимание замысла автора исторического документа совершалось через изучение материального облика документа – установление места, времени и техники его производства и путем возведения его к определенному историческому типу, принадлежащему кон-

кретному пространству и времени. Тогда индивидуальный замысел оказывался частью определенной культуры, причем сохранялось представление частных особенностей источника, так как основой анализа оставалась уникальная личность его создателя. Этот подход позволял разрешить естественную проблему интерпретации исторического документа, при которой историк не способен достигнуть абсолютной тождественности своего сознания и сознания автора источника.

Анциферов специализировался в градovedческих культурологических семинариях Ивана Михайловича Гревса. Здесь оформились его научные представления и были заложены основы методологии исторического исследования. Научная деятельность учителя и padre Н.П. Анциферова Ивана Михайловича Гревса (русского дворянина, уроженца Бирючинского уезда Воронежской губернии, как сообщил он о себе в анкете Ленинградского Экскурсионного института) выражалась “в научно-исторических исследованиях в области Древней и Средневековой истории и истории Возрождения по социальной истории и вопросам духовной культуры” [11, л. 106 об.] В терминах исторической науки второй половины XIX века социальная история имела своим предметом историю местную, в которой человеческая природа раскрывается не целиком, “а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени” [12, с. 37].

Исторический процесс с позиций социальной истории выглядел неповторимым результатом совместной работы человеческой личности, людского сообщества и природы данной местности. Эти выводы московской исторической школы принимал и особенно высоко ценил петербургский историк И.М. Гревс: «Специально большую важность имеет и разработка местной истории в историографии целой страны. Об этом сильно говорят лучшие мастера нашей исторической науки. В.О. Ключевский прекрасно доказывает в своем знаменитом “Курсе русской истории” значение “национальных” историй для построения “всеобщей” и “областных” историй для построения национальной. То же самое отчетливо высказывает И.Е. Забелин» [13, с. 490].

“Локальный метод” изучения истории, как Анциферов назвал применявшийся в семинариях Гревса научный подход к историческому материалу, был одним из инструментов социальной истории и новизной исторической идиографии. Анциферов пояснил существо метода на материале диссертации учителя. Работая над “Очерками римского землевладения”, Гревс посетил виллу Горация. Но прежде им были собраны все упоминания о ней в литературном наследии римского поэта. Осматривая остатки виллы, он сравнивал свое впечатление с поэтическим свидетельством. В результате сопоставления была произведена реконструкция исторического облика типичного жилища римского

вельможи [5, с. 400]. Метод был практически освоен Анциферовым при посещении древних городов Италии – Венеции, Флоренции, Ассизи, Сьены, Рима в 1912 г. с членами семинария И.М. Гревса по изучению Данте. В то посещение древние камни городов Италии заговорили для участников “странствия по истории” голосами героев произведений великого флорентийца.

Локальный метод изучения истории требовал посещения места совершения события. “Хождение по стране” рассматривалось как лучший из способов вживания в миры, ставшие предметом научного исследования. Переживание ученого при встрече с исторической местностью имело научный смысл: историк должен был увидеть местность, голос которой звучит в источнике, чтобы преодолеть возможные ошибки собственного воображения, мешавшие адекватному восприятию документа. Опираясь на установленную связь с первоисточником, исследователь приступал “к обратной реконструкции исчезнувших памятников (курсив наш. – Д.М.), а вслед за этим и к обрисовке оживлявшей их жизни” [14, с. 18]. «Только при этих условиях не “воображаемый портрет” из пьесы Д.С. Мережковского, а реальный образ императора Павла I воскреснет, как *genius loci* Гатчины» [14, с. 33]. Так, применительно к архитектурным памятникам Петербурга, прокомментировал Анциферов личный опыт обратной исторической реконструкции.

На протяжении многих лет темами семинарских занятий Гревса было изучение средневекового города. Выбор объекта изучения для историка культуры неслучайный. Город рассматривался Гревсом как носитель центростремительных сил общества (“тяготение”), но, в не меньшей степени, и центробежных (“лучеиспускание”). Культура и социальная жизнь города обладает свойством концентрированно выражать достигнутые обществом вершины цивилизованности. В городах происходит сгущение культурных процессов и насыщение их плодами: это – крупнейшая форма сращения в одном конкретном общежитии элементов цивилизации, слияния и взаимодействия различных ее стихий и течений.

Интерес к культуре города на историко-филологическом факультете Петербургского университета был связан с возникшим на рубеже XIX и XX вв. течением в исторической мысли и, еще раньше, в художественной культуре – урбанизма. Революционное европейское движение подготовило появление работ Освальда Шпенглера, где культуре города, как знамени состояния мировой цивилизации, уделено было особое внимание. В трудах первой половины двадцатых годов Гревс принимал утверждение немецкого ученого, “что сущность культуры есть градообразование: человек – строящее города существо, и история человечества – история городов”. Гревс был убежден, что “трагедия города всегда служит симптомом трагедии культуры, – и

в таком смысле город остается мерилем ее устойчивости и кризиса” [15, с. 247–249].

Другим направлением работы семинария Гревса было изучение духовной культуры. Учениками Гревса (среди них будущие знаменитые ученые историки, философы, культурологи: О. Добиаш-Рождественская, Н. Оттокар, Л. Карсавин, Г. Федотов) были написаны рефераты, прочитаны и обсуждены доклады по проблемам религиозного сознания Средневековья и Возрождения. На первом плане был вопрос об отношении мира идей, верований, убеждений, бытового поведения к историческому состоянию общества.

Выбор подобной тематики не был проявлением субъективных пристрастий основателя школы. В методологии истории, над которой в бытность Анциферова студентом Университета работал его преподаватель и друг И.М. Гревса Лаппо-Данилевский, этическим идеалам отводилась первостепенная роль: мировая история представлялась Лаппо-Данилевскому результатом осуществления обществом собственных нравственных ценностей [16, с. 101]. Эта методологическая предпосылка определила своеобразие терминологии Лаппо-Данилевского. Он различал в историческом источнике *факт* и *показание о факте*. Исторический факт предполагал “воздействие сознания данной индивидуальности на среду”. Факты, обладавшие свойствами “исторической ценности” и “действенности”, он называл “фактами с историческим значением” [16, с. 102]. К фактам такого рода в семинарии Гревса относились труды и деятельность средневекового католического святого Франциска Ассизского.

Проведя в семинариях Гревса шесть университетских лет, Анциферов стал на всю жизнь последователем исторического метода своего наставника. Гревс неоднократно давал высокую оценку научной деятельности ученика и выработанного им научного подхода. В его “Отзыве об исторической работе Н.П. Анциферова” говорилось: “Еще студентом он был одним из лучших учеников, участвовавших ряд лет в руководимом мною семинарии по средневековой истории, – и я по окончании им курса (в 1915 г.) в Ленинградском (тогда Петроградском) Университете с полным убеждением предложил его к оставлению при Университете для приготовления к профессорскому званию, твердо надеясь на то, что из него выработается настоящий серьезный ученый и выдающийся преподаватель высшей школы”.

Особо Гревс выделил область научных интересов Анциферова: углубленное изучение западного средневековья и соприкасающихся вопросов древней (преимущественно римской) и новой (преимущественно французской) истории; западноевропейский город и его культура как центр специальных индивидуальных исследований. Гревс ценил широкую начитанность Анциферова, его крити-

ческую работу над первоисточниками, а при исследовании проблем духовной культуры – основательное ознакомление с их экономической базой. Оригинальной особенностью исторического метода ученика Гревс считал сочетание документального (по письменным источникам) и монументального (по вещественным памятникам искусства и быта) изучения исторического материала. По мнению Гревса, Анциферов “выработал из себя превосходно осведомленного и творчески сильного *историка-краеоведа* в широком смысле слова”, умеющего восстановить прошлое древнего города в системе научного взаимодействия “документального и монументального исследования, работая в Архиве и библиотеке, но также странствуя по живым следам старины и погружаясь в познание предмета краеведчески и экскурсионно” [17, л. 66].

Таковы были, по мнению И.М. Гревса, научно-практические итоги обучения Анциферова на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Новая веха биографии и научного творчества Анциферова – начало в первое пореволюционное десятилетие его самостоятельной деятельности как историка-краеоведа, педагога и теоретика-культуролога, время формирования его локально-исторического метода в литературоведении.

Ставший Анциферову родным, Петроград после революции превратился в “столицу русской провинции”. В городе более чем вдвое сократилось население, не работали фабрики и магазины, травой заросла “всеобщая коммуникация” – Невский проспект. Пушкинский Петербург – “Петра творенье”, ставший “колыбелью революции”, по пророчеству Некрасова (“Могилы вокруг, Монументы... Да это кладбище”), превратился в каменное надгробие великих исторических замыслов.

Начавшаяся вакханалия переименований и переселений, уничтожения памятников царизма и культура запустила в бывшей столице программу разрыва с преданиями местности: по слову Маяковского, “то, что годилось для царских Петербургов”, следовало вырвать “с корнем из красных Ленинградов”. Умирала историческая идея города, который покинула учредившая его некогда властная сила – царственный “покойник”, согнанный “постояльцами” (Н. Заболоцкий) со своего исторического пьедестала Медный всадник. Духовно-нравственное состояние одичавшей после варварского нашествия Северной Пальмиры Заболоцкому открылось в гротескном преображении древних сфинксов (многолико представленного в архитектурном ландшафте города самого известного его культурного символа): “...В глаза мои смотрела кошка, как дух седьмого этажа...”. Умирала душа Санкт-Петербурга, в своем имени хранившего древний идеал единства этатизма и этики: “Шел через Дворцовую площадь. Всмотривался в Александрийский столп,

следил за спокойным движением легкого ангела, державшего крест и показывавшего на небо. Не могу поверить, что с любимого лика Петербурга будет стерта эта столь существенная черта беспощадной рукой” [18, л. 21 об.], – записал в дневнике 1924 года Анциферов.

В то же время Петербург оставался городом-музеем и, в еще большей степени для его старожилов, городом-храмом, где происходил встречный процесс собирания во имя воскрешения. Уничтожению предания о городе противостояло стремление сохранить “его дворцы, огонь и воду” (А. Ахматова). По мнению основателя Института истории искусств, главы комиссии по охране Гатчинского дворца графа В.П. Зубова, спасение культурного наследия Петрополя была главной нравственной задачей времени, перед которой меркли любые другие ценности: “все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей” [19, с. 23].

В городе началась борьба за усмирение потока разрушения. Действовали общество “Старый Петербург”, в состав которого, в первую очередь, вошли ученые-историки, искусствоведы, архитекторы и художники: Н.П. Анциферов, Александр и Альберт Бенуа, В.Я. Курбатов, А.Ф. Кони, Николай и Евгений Лансере, В.К. Лукомский, А.П. Остроумова-Лебедева, С.Н. Наседкин, С.Ф. Платонов, П.Н. Столянский, В.Н. Талепоровский, С.Н. Жарновский, В.Н. Вейнер, В.П. Зубов, Б.В. Асафьев, М.Д. Приселков; и общество “Медный Всадник”, среди членов которого было больше поэтов: Г. Адамович, Г. Иванов, М. Лозинский, И. Одоевцева, Н. Оцуп, В. Рождественский. Петроградская интеллигенция взяла на себя спасение “каменей культуры”: пропаганду охраны исторических памятников и практическую работу по их каталогизации и сохранению.

При Академии наук начало действовать Центральное бюро краеведения (ЦБК), направившее в научное русло развернувшуюся по всей России собирательскую и восстановительную культурную работу. При музейном отделе Наркомпроса был создан Экскурсионный институт для разъяснения массам ценности сокровищ царского времени. В эту работу включился и широкий круг учащейся молодежи Тенишевского училища, Петроградского университета, Российского Института истории искусств (РИИИ), Педагогического института... Преподавателем Тенишевского училища, заведующим кафедрой древней истории во 2-м Педагогическом институте им. Н.А. Некрасова, заведующим семинарами по изучению Павловска и Детского Села от Экскурсионного института, членом ЦБК, преподавателем практических занятий на

изобразительном и литературном отделениях РИИИ был в эти годы Н.П. Анциферов [17, л. 25 об.].

Войны и революции лишили его возможности пользоваться локальным методом для изучения европейского средневекового города. В то же время, личный опыт переживания *distructio* Родины и семьи – у Николая Павловича весной 1919 г. в Царской Славянке (ныне поселок Динамо) погибают от дизентерии его первенцы, четырехлетняя Наташа и годовалый Павел, – усилил в его исторических исследованиях эмоционально-этическое начало. В воспоминаниях о тех годах Анциферов отметил нравственную логику произведенной им смены предмета изучения: “Я ушел <...> в краеведение, которое меня теснее связывало с родиной, уводя из круга научных интересов, удерживавших меня в средних веках западного мира” [5, с. 326].

Но, можно предположить, что не в меньшей степени, чем сердечная потребность, выбором Анциферова как профессионального историка руководила задача научного свойства. Усилившийся в его работах тех лет интерес к порожденной северной столицей социальной психологии и “центробежному” влиянию этого города на поведение населения России был связан с пережитой страной революцией. Социальная неустойчивость еще в предреволюционные годы выдвинула на первый план в отечественных исторических исследованиях вопрос об альтернативности выбора пути развития. Главным интересом исторических исследований Анциферова в пореволюционные годы стал вопрос о грядущих судьбах стремительно менявших свой облик, а с ним – и биографию, российских местностей.

Семинарий Гревса развил в Анциферове умение изучать городскую повседневность – ту *мещанскую обыденщину*, борьба с которой была главным содержанием объявленной Л.Б. Троцким эпохи “культурничества” и “нового быта”. История была в эти годы масштабной перестройкой общественных отношений, слома вековых ценностей национальной жизни, колоссальных геополитических преобразований была выдвинута Гревсом как самостоятельный предмет исторической науки – объект *антропогеографии* [20, с. 246]. В отличие от фактов географии антропогеография изучала феномен надорганического мира – духовно-материальную сферу культуры, языка, верований, бытового поведения, традиций и обычаев. В отличие от этнографии, конечным предметом антропогеографии является единичный человек, маркированный топографически и хронологически, – “человек местный”.

В пореволюционные годы Анциферов углублял усвоенную в градоведческих семинариях методику исследования “языка” городского быта как исторического документа. В книге “Пути изучения города как социального организма” [20, с. 147] он

наметил основные черты обихода города – центра тяготения “разнообразных сил, которыми живет человеческое общество”. В ней город предстает нечеловеческим социальным существом со своей анатомией, предопределенной природно-географическими условиями; физиологией, обусловленной экономическими и социально-политическими функциями местности и населения; психологией, или душой. Психология городского населения “задана” историческим преданием и выражается языком города – городской топонимикой и номенклатурой. “Они сообщают о всех областях его жизни. Они рассказывают о его росте, о его связях с другими городами; о его нуждах. В них живет память о прошлом”, – писал в указанной работе Анциферов [20, с. 147]. “Душа” города оживает в архитектурных стилях, литературе и городском фольклоре.

Восхождение к психологии города и понимание его духовной атмосферы начинаются с освещения его анатомии и физиологии: они во многом объясняют ее своеобразие. Анциферов подчеркивал существование обратного процесса в этом взаимодействии. Атмосфера, создаваемая вокруг выразительных ландшафтов и памятных мест, подчинена закону развития, определяющему судьбу порождающего ее общества. Анциферов обратил внимание на то, что один и тот же город различно отражается в сознании сменяющихся поколений. Перерождается город, и с ним перерождаются мысли о нем, им подсказанные чувства и стремления. Меняется и образ его, отраженный общественным сознанием и переданный художественным творчеством.

Первая половина двадцатых годов стала временем собирания Анциферовым литературных образов города. Он издает книги, построенные по принципу тематического подбора цитат с урбанистическими художественными хронотопами. Эти книги были написаны им для практических целей: Анциферов обучает экскурсоводов в Петроградском Экскурсионном институте, читает научные доклады как участник общества “Старый Петербург” и член ЦБК. Однако его теоретические статьи тех лет выдвигают художественные образы местности в качестве главного предмета и инструмента разрабатываемой им исторической методологии. Уже в те годы он увидел, а спустя двадцать лет в своей диссертации доказал, что хронотопическая образность “не искажение исторической действительности, а ее истолкование и сублимация, – переключение в символические образы глубоких исторических процессов” [21, с. 16].

Составление картотеки цитат с художественными хронотопами (к 1942 г. она состояла из 15000 единиц) помогало ученому исследовать технику их построения. “Субъективное переживание” ландшафта, выражающееся в интуитивно-целостном художественном мышлении, в противовес научно-

му, имело для социального историка особую ценность. Терминология первой половины двадцатых годов уравнивала понятия “социальная история”, “местнография” и “краеведение”. Используя термин “краеведение” в этом значении, Анциферов писал о сходстве познавательных целей социального историка и художника. Краевед стремится к изучению края в полноте присущих ему элементов – к целокупному знанию и в своих исследованиях имеет дело с конкретной индивидуальностью. Он изучает свой край, который является *единичным явлением*, целиком, “*постигает все элементы его на основе целого и из целого*, в их живой, реальной, непосредственно раскрывающейся ему связи” [22, с. 31–32]. Ту же цель преследует и хронотопическая художественная образность. Художник стремится знать с полной точностью тот материал, который он вводит в творческую лабораторию, утверждал Анциферов, поэтому отправной точкой художественного вымысла является “жизненная правда”.

Таким образом, пути и результаты художественного и социологического познания местности в глазах ученого обнаруживали глубокую родственность. Испытавший влияние модных в начале века философских идей Бергсона, Анциферов полагал, что осуществить свои познавательные цели местнографу помогает интуиция. Интуиция – также важнейший инструмент художественного постижения действительности. Собственный опыт Анциферова как историка-градоведа, сформированного локально-исторической школой Гревса, показал источниковедческую ценность для социолога литературно-художественных исторических свидетельств. В 1927 г. Анциферов уже прямо утверждал, что “*интуитивный метод познания мира художников <...> нужен краеведу*. Знакомство <...> с литературой не только может дать новое знание, но и помочь развить некоторые подходы к материалу, без которых немислимо целокупное знание”.

Целокупное знание – термин, введенный в историческую науку Гревсом. В нем концентрированно выражалось важнейшее положение методологии исторической науки Лаппо-Данилевского, требовавшее от историка умения совмещать два противоположных метода научного познания – индивидуализирующий (идиографический) и обобщающий (номотетический). Восхождение к общему преследовало цель установить историческое значение индивидуального. По мнению Анциферова, ее с успехом выполняла хронотопическая образность художественной литературы. В ней содержался материал, «в котором творческая интуиция привела к “видению целостного образа” многоликого края или же к познанию одного из его ликов».

Своим идеям он нашел подтверждение у М.М. Пришвина. Профессиональный писатель и краевед, Пришвин предложил свой метод краевед-

ческого исследования, основанный на собственном исследовательском опыте: “Сущность этого краеведческого метода состоит в том, чтобы *обыкновенным земляческим чувством края*, в котором заключается <...> несомненно художественный синтез, пользоваться для понимания *лица края*, <...> на равных правах с обыкновенным научным методом изучения”. “Художественный” метод социологического познания местности, предложенный Пришвиным, был конгениален собственным размышлениям Анциферова: “Самое существенное в этом отрывке: *познание лица края особым земляческим чувством. Это путь интуиции*” [22, с. 40].

Хронотопическая образность, рожденная интуицией писателя, способна помочь социальному историку вскрыть глубокую, часто неведомую правду об истории и современном состоянии различных уголков страны, дать ему материал для социального прогнозирования, утверждал Анциферов в своих работах двадцатых годов. Тогда же он впервые сформулировал новую в литературоведении научную задачу, которую ему предстояло разрешить через два десятка лет в своей диссертации: «Изучая “литературные гнезда”, нужно собрать не только материал, освещающий вопросы биографического характера и определяющий степень участия писателя в жизни края, но, быть может, еще важнее изучить отражение края в творчестве писателя. Историки литературы в занятиях этого рода, может быть, смогут выработать особый *метод локального исследования* в беллетристике, который приведет к выявлению еще не освещенных сторон творческой личности наших писателей» [22, с. 46].

Локальный метод в литературоведении, предложенный в двадцатые годы Н.П. Анциферовым, имел глубокие методологические отличия от концепции областных “культурных гнезд”. Впервые выдвинутая в работе Н.К. Пиксанова “Два века русской литературы” в 1923 г., эта концепция предлагала считать новым разделом науки о литературе изучение художественных закономерностей творчества писателей-земляков. Анциферов приветствовал появление работы Пиксанова, однако предостерегал от чрезмерного увлечения его идеей. По его убеждению, отечественная культура сложилась не по федералистскому типу, как, например, в Германии. Там в провинции билась полноценная жизнь, каждая область давала свою культуру, и люди чувствовали свою связь с истоками. Российская культура, по Анциферову, была централистического типа. Всё тянулось в Москву и в ней растворялось. “Локальный метод” в литературоведении ставил перед наукой о литературе задачу, несомненно, более высокого уровня, чем предложенный “литературными гнездами” аспект изучения отношений литературы и края. Локальный метод отрицал “иллюстративный экскурсионизм” и биографизм в литературоведении. Его генеральной целью было восхождение к мировоззренческим связям творца с

эпохой, “живой монадой” которой является его произведение.

В социологических выводах этих наблюдений открывается принципиальное единство научной интуиции Анциферова с комплексом идей “мыслительного коллектива” М.М. Бахтина. (Пути Анциферова и “бахтинского круга” – М.М. Бахтина, П.Н. Медведева, Л.В. Пумпянского пересекались неоднократно – в кружке “Воскресенье”, в ГИИИ, в ссылке на Медвежьей горе.) Согласно Бахтину, образы местности относятся к хронотопическим образам, наделенным особой идейно-содержательной и ценностной нагрузкой: “Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности”. Хронотоп в произведении всегда включает в себя эмоционально-ценностный момент, характеризующий авторское мировоззрение и состояние общественного сознания [23, с. 391–392].

Хронотопическая образность, согласно Анциферову и Бахтину, раздвигает историческое время в прошлое и будущее. Имея дело с социальной реальностью и ее проблемами, хронотопы степени своей зрелости свидетельствуют о глубине постижения общественным сознанием собственной истории и исторического человека.

Первые книги Николая Павловича: “Душа Петербурга”, “Петербург Достоевского”, “Быль и миф Петербурга”, – одна за другой вышедшие в 1922–1924 гг. в Петрограде, выросли из экскурсий, лекций, выступлений, докладов, проведенных в рамках его деятельности как члена общества “Старый Петербург”. Значение историко-культурологической составляющей пореволюционных работ Анциферова было высоко оценено учеными “бахтинского круга”. Они оставили след в докладе Л.В. Пумпянского “Петербург Пушкина и Достоевского”, прочитанном 19 апреля 1922 г. в Обществе изучения Старого Петербурга, и статье 1925 г. «О “Медном всаднике”, о Петербурге, о его символе». Подобно Анциферову, Л.В. Пумпянский полагал важнейшей темой поэзии “историю, то есть отношение к предкам” [24, с. 813]. Как и Анциферов, он был убежден в значении внелитературного ряда для литературного творчества: “Родилась поэма Пушкина из громадной тревоги, из чувства странности, из глубокой потребности ориентироваться, в чем-то посчитаться, отдать себе отчет...” [24, с. 596]. Существующие между работами Пумпянского и Анциферова различия определялись отношением к символике художественного образа. Для философа культуры Л.В. Пумпянского они были ценны как продукт трансформации или распада традиции. Для социального историка Анциферова генетически они оставались внелитературными – являлись “голосом” земли, плодом “думы и мысли писателя” в данной местности, носителями ее “легенды” и исторической футурологии.

Одновременно с отзывом на только что вышедшую из печати книгу “Душа Петербурга” в “Литературном дневнике” “Красной газеты” появилась рецензия на литературный манифест “Серапионовых братьев” – “Об идеологии и публицистике”. Особое внимание рецензент обратил на бросившие вызов марксистской социологии слова Льва Лунца: “Мы <...> верим, что искусство реально, живет своей жизнью, независимо от того, откуда берет оно свой материал” [25, с. 4]. Совместная учеба на историко-филологическом факультете Петербургского университета, работа в Тенишевском училище, сотрудничество в Обществе “Старый Петербург” и в дальнейшем – в стенах Института истории искусств, соединяла жизненные и исследовательские пути Анциферова с группой ленинградских формалистов. В дневниках ученого упоминается о встрече с Львом Лунцем, произошедшей вскоре после выхода в свет “Петербург Достоевского”. Тогда возник спор, коснувшийся принципиального для теоретика “Серапионовых братьев” вопроса о материале литературного творчества. Лунц заметил: “Ищите дома Достоевского не на улицах Петербурга, а на страницах романов Балзак”. По мнению представителей формального метода, Анциферов шел по ложному пути. В автобиографии Николая Павловича сохранилось указание на существо “методологического упрека” ленинградских формалистов автору “Петербург Достоевского”: литература, по их мнению, “питается литературной традицией, а не реальными явлениями или памятниками жизни и истории” [26, л. 3]. Энциклопедия реальных адресов и маршрутов героев Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Герцена, Достоевского, Блока, что представлена работами Анциферова двадцатых годов, показывает: совету Лунца ученый не внял. В статьях тех лет он особо подчеркивал отличие своей методологии от теории формального метода: «делая ударение на “что”, в противоположность ударению на “как” представителей формального метода, социологизм обращает сугубое внимание на материал, который извлекает художник из широкого потока вечно меняющейся жизни» [27, с. 11].

Разрабатывавшийся в пореволюционные годы социологический метод Анциферова был *противоположен марксистской социологии*, отнесенной в методологии истории Лаппо-Данилевского к разряду номотетических наук. Социологические наблюдения Анциферова строились на скрупулезном изучении индивидуальности и научной готовности принять открывающиеся факты, даже если они не соответствуют интеллектуальным привычкам и предпочтениям созерцателя. Такой подход он называл “научным смирением”. Предложенный им в двадцатые годы “экскурсионный метод” изучения культуры кроме просветительско-педагогических целей преследовал научно-

методологическую цель в области исторической науки и литературоведения. В работе 1923 г. “О методах и типах историко-культурных экскурсий” непосредственное ознакомление с местом совершения исторического события он выдвинул в качестве важнейшего научного подхода историка и культуролога: “*Экскурсия требует готовности к известному самозабвению*, отрешения от своих случайно сложившихся вкусов и навыков мысли ради проникновения в душу иных стран, иных времен” [14, с. 6].

“Научное смирение” перед реальностью при исследовании и особенно интерпретации исторических фактов вырабатывалось в учениках исторической школы Гревса ее основателем. В двадцатые годы Анциферов задался вопросом о научных последствиях “погружения” в бытовую реальность при изучении художественной литературы, имеющей дело, в отличие от пластических искусств, с *духовным видением*. Применительно к ней особое значение имеет исследование местностей предполагаемого действия произведения или родины автора. Оно конкретизирует текст. В отличие от театральных инсценировок или художественных иллюстраций, как правило, навязывающих воображению чуждые представления, экскурсия становится средством “для более полного познания и переживания художественного образа” [27, с. 5–6].

Анциферов уподобил экскурсию реальному комментарию. Как и реальный комментарий, она возвращает читателя и исследователя к миру действительности, обязывая их “принести в жертву ему наши фантазии, как бы мы ими ни дорожили. Протест против действительности является лишь признанием ложности нашего воображения и упорства его. Необходимо признать факт капризности нашей фантазии, ее стремления к туманным образам, дающим ей простор, но далеким от жизненной правды. Мы должны поставить себе задачу: суметь раскрыть свой взор и усмотреть в правдивой обстановке элементы, которые породили интересующий нас образ. Но, по всей вероятности, чаще не произойдет этого разрыва мечты и действительности, и созданный при предварительном вдумчивом чтении образ найдет подтверждение в конкретной обстановке и наполнится новым, ценным содержанием.

Сопоставление художественного образа с явлением, которое вызвало его к жизни, содействовало его образованию, приведет к более полному его постижению” [27, с. 8–9].

Возвращаясь к упомянутому выше методологическому спору с формалистами, следует отметить, что слова Лунца не были Анциферовым забыты в 1944 г. при работе над диссертацией “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе”. Он расширил и конкретизировал ее

название, дав подзаголовок: “Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций”, выдвинув тем самым в качестве самостоятельного объекта исследование литературной урбанистической традиции, в рамках которой формировался образ города у Достоевского. Впервые с предреволюционных времен он вернулся к образам величайших европейских городов – Парижу и Лондону, воссозданным хронотопической образностью Гюго, Бальзака и Диккенса, чтобы сопоставить их со скупым городским ландшафтом северной столицы в изображении автора “Преступления и наказания”. Анциферов отметил отличия романтики “таинственной внешности”, характерной для урбанистических пейзажей европейских писателей, предшественников Достоевского, от его “фантастического реализма”, предполагающего тайну “внутреннюю” – социальную трагедию столичного русского города второй половины XIX века.

Первые книги Анциферова были замечены критикой. Рецензии на них (в целом положительные отзывы А. Тинякова и отрицательный – Валерия Брюсова) заложили некоторые “каноны” восприятия их содержания и научной ценности. Среди стереотипных определений – и упрек в бессистемности и случайности упоминания некоторых исторических событий, и сведение работы почти исключительно к цитатам из произведений, и “ошибки” в объяснении причин трансформации художественного образа города во времени, и, наконец, интерпретация смысла книг как руководства по литературным экскурсиям.

В действительности “трилогия” Анциферова существенно отличалась от типа книг о городе, его культуре и истории, что выходило в двадцатые годы, и почти не имела аналогов. Не путеводитель по местам исторических событий или действия художественных произведений, не обзор архитектурных памятников, не корпус цитат из художественных произведений по теме был результатом исследования. Автор стремился путем углубленного изучения исторических памятников местности и их художественных отражений постигнуть загадки прошлой и современной русской истории. Спустя почти четверть столетия, в ноябре 1949 г. при обсуждении книги Н.И. Ашукина “Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина”, Николай Павлович сформулировал свое понимание представленного им в двадцатые годы типа исследования. Самостоятельной его задачей была характеристика того города, “на фоне которого протекала жизнь писателя, в творчестве которого он отражен”. Вторая задача – “биографическая, выясняющая роль города в жизни писателя”. Здесь важно выяснить, что создано писателем в данном городе, в какой мере его жизнь здесь благоприятствовала творчеству. И последняя – выявить, как этот город отражен в творчестве писателя. С этой задачей связаны не только созданные худож-

ником хронотопические образы, отражающие данный город, “но и думы и мысли писателя” [28, с. 1–2] о нем, проявляющие эмоционально-ценностный компонент авторского мировоззрения.

В своих исследованиях двадцатых годов Анциферов стремился развивать заложенную Гревсом традицию культурологического исследования. “К сожалению, мы не нашли ни понимания, ни продолжателей”, – записал Анциферов в своих воспоминаниях спустя годы. “Город как особый организм не изучался никем” [5, с. 407].

Общественная ситуация 1930-х гг. отмечена качественно новым отношением к отечественной антропогеографии. От идеологической борьбы, не принесшей в предыдущее десятилетие значительных результатов, руководство страны перешло к мерам более действенным. Проведенная властью коллективизация деревни, по наблюдению А.М. Горького, совершила “переворот почти геологический”. Из-под ног “двух десятков миллионов” людей ушла земля, создавшая “человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом” [29, с. 125]. Вместе с землей была обречена на гибель и национальная антропогеография, и формировавшее отечественную историю предание. Проблему смены “этиологической легенды” земли, охваченной индустриализацией и колхозным строительством, должно было решить “книжное” общественное сознание. Особая роль в этом деле отводилась писателям (по определению, данному Сталиным в 1932 г.) – *инженерам человеческих душ*.

Одним из проектов, в котором в 1933 г. принял участие вернувшийся из Белбалтлага Анциферов, был горьковский замысел публикации на базе издательства “Academia” серии “История городов”. Этот проект должен был произвести важную идеологическую корректировку традиционного внимания к городам как древним центрам цивилизации. Заслуживающим внимания в период социалистической реконструкции, по мысли Горького, был подбор материала о городе как об истории уходящего в прошлое быта. В записке, составленной Горьким для редакции “Истории городов”, выбранная стратегия конкретизировалась как собирание материала о мещанстве, которое на протяжении почти трех столетий играло роль создателя и организатора русского быта. Мещанин – “мелкий собственник, выходец из деревни, являлся и является идеологическим отравителем пролетариата, заражая его одновременно и древними суевериями крестьянской массы, и воспринятой мещанином от средней буржуазии психикой хищника индивидуалиста”. “История города” как история быта ставила «целью своей освещением, обнажением системы коренных верований, специфических навыков мысли и всей “исторической” – бытовой действительности мелкого собственника» [30, с. 393–395].

Реализация проекта курировалась директором издательства Л.Б. Каменевым. В письме, адресованном редактору серии В.А. Десницкому, он сообщал о посещении редакции “тов. Анциферовым” <sic!>, который хотел бы писать историю Ярославля. За право писать о Санкт-Петербурге уже боролся коллега Анциферова по обществу “Старый Петербург” и его идейный оппонент П.Н. Столпянский. Решение Каменева было *начать скромно*, “заказом трех городов: Ярославля, Новгорода и Тифлиса” [31, л. 12].

1934 год – время начала совместной работы Анциферова и А.А. Золотарева над книгой о Ярославле, проходил под знаком 17 съезда партии и I Съезда советских писателей. На нем вопрос о художественном изображении города был поставлен в заданной докладом Горького плоскости изменения традиционного художественного хронотопа при изображении пейзажа страны. В привлечении общественного внимания к технократической реконструкции старинного ландшафта Горький видел залог изменения тематики и проблематики художественного творчества, а с ними – и общественной психологии.

Сохранившиеся материалы к проекту книги о Ярославле показывают, что его авторы в своем замысле точно следовали горьковским установкам. Рукопись, носившая название “Ярославль. История. Культура. Быт”, исследовала исторические судьбы города по его быту, отраженному “каменной летописью” Спасского и Толгского монастырей, строения Кремля. Народный обиход читался в анатомии застройки, свидетельствах фольклора, особенностях стиля и тематики церковных фресок, сочетающих реализм в изображении изб, утвари, одежды, пищи с экзотикой дальних стран. Ярославский край должен был заговорить голосами крестьянских писателей, творчеством Н.А. Некрасова. Авторы вели своего “героя” – этот “нечеловеческий социальный организм” – географическими, экономическими и политическими путями его формирования. Книге надлежало закончиться разрушением Ярославля в годы Гражданской войны и обзором города в эпоху социалистической реконструкции. Последняя глава посвящалась причинам избрания Ярославля “центром строительства резинового комбината”, описанию социализации быта и перспективам города. (От работы над этой главой, в нарушение предварительного плана, Анциферов отказался.)

План монографии показался Горькому “очень полным и дельным” [32, с. 253], хотя ее содержание вело к непростым ответам на вопрос об исторических политико-экономических и культурных перспективах города, утратившего свою этиологическую легенду. В набросках А.А. Золотарева к предисловию монографии прочитывается прямо не выраженное указание на истощенность исполнен-

ного трудов и духовных взлетов исторического пути Ярославля и его населения: “Предмет нашей братской работы – город Ярославль – предмет живой, яркий, увлекательный...”, пример “без малого девять веков непрерывной усердной службы Ярославля русской земле и русскому народу” [33, л. 11].

К концу 1935 г. книга была написана. Анциферов высоко ценил вклад А.А. Золотарева в монографию: “Мы читали друг другу написанные нами главы; и я постоянно ощущал разницу между тем, что написал я, чужой Ярославлю, и тем, что писал А.А. Золотарев – ярославец. <...> за каждым созданным им образом билось горячее сердце человека, корни которого глубоко в земле родного края” [34, л. 5].

Усилившиеся в декабре 1934 г., после убийства Кирова, репрессии убрали с политической арены Льва Каменева. Последовавшая в июне 1936 г. смерть Горького завершила существование его проекта: серия “История городов” была закрыта, ни одна из готовившихся в ее рамках книг не была издана. В марте 1936 г. Анциферов был рекомендован для зачисления в члены Секции научных работников АН СССР профессором Ленинградского университета И.М. Гревсом и действительным членом Академии наук СССР, историком-медиевистом Д.М. Петрушевским. В начале сентября 1937 г. Анциферов был вновь арестован по ложному доносу (то был последний в его жизни арест и ссылка), освобожден из Амурлага в конце 1939 г. по пересмотру дела и возвращен в Москву.

Тридцатые годы, несмотря на то, что шесть лет из них Анциферов провел в тюрьме и ссылке, были чрезвычайно насыщенными научно-исследовательской работой. Начатое после второго ареста (1929–1933 гг.) его сотрудничество с ГЛМ, куда он был приглашен высоко ценившим его В.Д. Бонч-Бруевичем, затем (с марта по сентябрь 1937 г.) переход туда на работу в качестве старшего научного сотрудника экспозиционного отдела, а затем и заведующего Отделом литературы XIX века, позволили ему профессионально углубиться в литературоведение. В научной деятельности тех лет он сохранял верность своим интересам графоведа и методам социального историка в области изучения общественного сознания. Характерной чертой его огромной (по объему и полноте привлечения материала) работы над хроникой жизни А.И. Герцена для издательства “Academia” было предварительное составление адресов, связанных с его жизнью и творчеством. Комментарии к отвергнутой редакцией его книге “Герцен в воспоминаниях современников” имели целью полноту разработки биографического материала “русского европейца”. Они включили не только мемуары писателя, но также его художественные и публицистические материалы, документы следственных дел и критические отзывы “с другого берега”. В работе Анциферова

над историей жизни Герцена оттачивалась его методология текстолога и историка литературы, разработка которой восходила к предыдущему десятилетию.

Начало Великой Отечественной войны ознаменовало новый трагический виток жизни Анциферова, подтвердив выдвинутый им в “петербургской трилогии” научный тезис о самодовлеющей роли местности в судьбе ее населения. В блокадном Ленинграде от голода и болезни погиб его единственный сын Сергей, в Германию из Детского Села была угнана семнадцатилетняя дочь Наташа. Научная работа Анциферова сосредоточилась на ленинградской теме. Но не была забыта и многострадальная Москва. Осенью 1941 г. Анциферов задумал две книги: о Петербурге-Ленинграде и “Героическая Москва и ее прошлое”. Книга о Москве выросла из лекций, которые в первые осенние месяцы войны Анциферов непрерывно читал бойцам и командному составу в госпиталях, воинских частях и военнопересылных пунктах столицы.

К весне 1942 г. книга о Москве была завершена, однако в июне того же года отвергнута Гослитиздатом. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился глубоко поразивший Николая Павловича отзыв на его рукопись. Составителя отзыва возмутило, что в книге о “героической Москве” Анциферов коснулся негероических ее будней, ее нравов и обихода, “языка” ее улиц и площадей – городской номенклатуры. Другой упрек поверг Анциферова в изумление: “Так как книга – о Москве, то автор счел нужным все остальное подвергать охаиванию. Особенно достается Петербургу”. Наконец, Анциферов был обвинен в идеологическом пособничестве финнам в войне против СССР: «Автор утверждает: в районе Москвы, “в те далекие времена жили финны, которых русские вытеснили отсюда, и таким образом, еще в те далекие времена, русским пришлось столкнуться с финнами, брошенными в 1941 г. Гитлером на подступы к этому древнему русскому городу”. Нечего и говорить, что такая “красивая фраза” только дает финнам оружие для “идейного” обоснования своей агрессии» [35, л. 5–7].

“Мундирный” (определение Н.П. Анциферова такого рода рецензентов) автор отзыва, закрывшего книгу о Москве путь к читателю, не мог знать оценок этого труда первыми его слушателями, хотя, вероятно, они не интересовали его. Архив Государственного литературного музея сохранил десять таких отзывов-оценок лекций “профессора Н.П. Анциферова” по теме “Героическая Москва и ее прошлое”. Число далеко не полное – отзывов могло быть гораздо больше: всего за период с декабря по июнь 1941–1942 гг. Николаем Павловичем было прочитано 59 лекций и проведено 15 бесед [36, л. 8]. Приведем наиболее характерные комментарии слушателей: «Лекция на тему “Героическая

Москва”, прочитанная командному и политическому составу тов. Анциферовым Н.П. прошла с успехом, образно, ярко и доходчиво. Перед аудиторией была воскрешена Москва. Прекрасно показан исторический путь становления Москвы и ее народные герои, ставшие во главе народного движения, направленного против иноземных захватчиков. С чувством большого удовлетворения командир, политработники и бойцы прослушали интересную лекцию и искренно по-фронтовому горячо благодарили тов. Анциферова за доставленное удовольствие и отдых» [36, л. 67]. «С исключительным вниманием больные выслушали лекцию профессора тов. Анциферова “Героическая Москва” 7/X–42 г. По выражению больных “такая лекция лучше концерта”. Желательно чаще встречаться с профессором в нашем госпитале. Военный Госпиталь института им. Обуха» [36, л. 83]. Отказ в публикации книги о Москве вывел на первый план работу над особенно дорогим Анциферову замыслом – книгой о Ленинграде.

14 апреля 1943 г. на заседании Президиума Союза советских писателей был рассмотрен вопрос о приеме Анциферова в члены Союза, заслушаны отзывы на его труды В.О. Перцова и старых коллег и друзей – Б.В. Томашевского и М.Л. Лозинского. Выступавшие характеризовали Анциферова как человека “очень большой культуры”, автора книг, “которые известны тем, кто интересовался жизнью Ленинграда и Москвы” [37, л. 23]. Оригинальной чертой его работ о городах было названо использование их отражений в классической литературе. Не был забыт и вклад Николая Павловича в литературоведение: Анциферов считался одним из лучших знатоков Герцена. Кандидатура была поддержана А.А. Фадеевым, и Анциферов стал членом Союза писателей СССР: “На днях избран в члены союза писателей. Сейчас это очень трудно. Из 21 кандидата прошло только 4” [38].

Урбанистическая тематика анциферовских трудов в период Великой Отечественной войны связана с углубленными занятиями в области социальной истории русских столиц, реконструированной им в предвоенные годы по произведениям русской классики. Анциферов сосредоточился на загадке пророческой силы ее хронотопической образности. Пути российской истории XX века, предугаданные писателями предшествующего века, открылись им как художникам-реалистам, обладавшим способностями социальных историков. Поэтика исторической футурологии русской литературы стала главной темой его монографии “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе”.

Личный фонд Н.П. Анциферова в Отделе рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН сохранил документы ученого, подготовленные им к защите. Среди них датированное 22 октября 1943 г. заявление Анциферова с просьбой о допущении его к за-

щите диссертации по указанной теме на соискание степени кандидата филологических наук. Тогда же были представлены тезисы диссертационного исследования, по свидетельству самого Николая Павловича, принятые “очень сочувственно”. В декабре того же года были назначены официальные оппоненты Анциферова, В.Я. Кирпотин и А.Г. Цейтлин, вызвавшие сомнения Николая Павловича в перспективах своей защиты: “А вот мои оппоненты <...> совершенно чужды урбанистических интересов, и я далеко не уверен, что получу <...> степень кандидата” [38]. Против ожиданий, оппоненты дали в целом положительную оценку работе, и 5 сентября 1944 г. на открытом заседании Ученого совета Института состоялась защита. На основании представленной монографии, отзывов оппонентов и доклада соискателя Анциферов был единодушно признан достойным искомой степени кандидата филологических наук.

В докладе Ученому совету Анциферов указал на главную особенность своего исследования: его предметом явился не столько художественный образ города, созданный Достоевским, сколько *реальный* Петербург второй половины XIX века как полноправный герой произведений писателя. В то же время, как следует из переписки ученого, самой важной в работе он считал ее последнюю, 16-ю главу, посвященную Петербургу будущего – преображенному граду Золотого века. Работа над этой заключительной главой велась в преддверии падения Ленинградской блокады. В декабре 1943 г. заключительная глава монографии была передана Б.В. Томашевскому, и этот, по словам Анциферова, “очень скупой на похвалы критик” [38], на основании прочтенного, считал возможным поднять вопрос о представлении Николая Павловича сразу к степени доктора филологических наук. Но именно все сказанное Анциферовым о “золотом веке” стало камнем преткновения, вызвав главные возражения официальных оппонентов. Поэтому в своем выступлении Анциферов особо остановился на смысле темы, обозначенной названием заключительной главы монографии “Идея Петербурга и Золотой век”. Важнейшая, как утверждал исследователь, в художественном умозрении Достоевского, она раскрывала веру писателя в грядущее преображение “самого умышленного на земле города”, который в полноте свершившейся земной истории, наконец, обретет право носить свое родовое имя – Санкт-Петербург.

Северная столица, подобно всем героям Достоевского, считал Анциферов, наделена в его произведениях *идеями*, то есть неповторимой социально-исторической миссией:

«Образ города сложился у Достоевского очень рано <...> и в дальнейшем развитии претерпел мало изменений. Эти изменения шли по двум линиям: 1) нарастания отрицательного отношения к капита-

листическому пути его развития, 2) усиления темы “беспочвенности”. Отрицая в Петербурге временное (черты “большого города”), Достоевский противопоставляет ему проектируемый из прошлого в будущее Золотой век. Расценивая Петербург как город, выражающий собой всечеловеческую идею русского народа, Достоевский чтит в Петербурге город-мученик, в котором, как в Purgatorio, души, прошедшие путь страданий, могут найти свое возрождение. <...> Отношение Достоевского к Петербургу чрезвычайно сложное. Картины, нарисованные им, часто исключительно мрачны, но мне кажется, что если знакомиться с Петербургом Достоевского не только на страницах его книг, но и на пыльных, душных, туманных, мокрых улицах города, войти в непосредственные отношения с этими возбудителями его творчества <...> ощущение будет совершенно иное.

Я недавно почувствовал это поразительное ощущение Петербурга, ходил по его улицам в белые ночи и вывел заключение, что, несмотря на все изменения, несмотря на реконструкцию Сенной площади и пр., Петербург Достоевского в нем продолжает ощущаться. В Петербурге Достоевский видел большую идею, ради которой он прощал Петербургу его мучительные стороны» [39, л. 102–103].

Отзыв неофициального оппонента – Б.В. Томашевского подтвердил уже высказанную после ознакомления с фрагментами работы высокую оценку: он призывал признать монографию достойной степени доктора филологических наук. (То же предложение было высказано на защите и вторым неофициальным оппонентом Е. Б. Тагером). Свое мнение Томашевский аргументировал новым подходом автора монографии к анализу идейного содержания, стиливого своеобразия и мировоззрения отечественных и зарубежных беллетристов: “Характерно, что эта область литературоведения является оригинально русской. Именно в этой области русские исследования менее всего испытали влияние западной науки. <...> Для наших русских работ характерна их проблемность, связанность данной темы с общими вопросами творчества изучаемого писателя. Именно в русском литературоведении эта тема не отрезана от основных вопросов литературной истории” [17, л. 17].

Томашевский отметил существенную черту новой методологии, позволившей в художественном изображении местности вскрыть особенности мировоззрения писателя, обнаружить глубинные связи его музыки с пространством и временем современной ему социальной истории. Отзыв Томашевского указал появление в науке “литературоведческого урбанизма” как историко-литературного метода, ставящего во главу угла “власть места” над сознанием, волей, судьбой человека – литературного героя или его создателя, автора.

Власть места над его жителями определена природно-географическим пространством, в котором возник город, и теми социально-экономическими и политическими потребностями, что вызвали его к жизни. Эти факторы определяют содержание местного предания – этиологическую легенду местности. Отраженная в местном фольклоре, переданная хронотопической образностью художественной литературы, она живет в исторически изменчивом комплексе интерпретаций – исторических “функциях” предания, находящихся под воздействием развития и смены “физиологии” и “психологии” местности.

Этиологическая легенда местности была центром научного внимания Анциферова в течение почти двадцати пяти лет, с 1918 по 1942 год. В эти годы он не раз возвращался к “научному дневнику” своей жизни – работе над эссе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность” [40]¹. Оставшаяся незавершенной, эта работа посвящена глубинным силам исторического процесса. В ней впервые Анциферов применил нигде больше им не использовавшееся, заимствованное из наук о земле понятие “легенды местности” в значении архитектурно-монументальных, природно-ландшафтных, литературно-художественных, летописных и фольклорных свидетельств о причинах возникновения и исходной политико-экономической функции данной местности. Зародившаяся в неповторимом природно-географическом окружении, она сообщает местности “душу”, внося в ее историю некий факт, возможно, не имевший места во внешней действительности.

В работе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность” Анциферов выдвинул понятие *внутренней действительности* истории. Это – события, которые восприняты сознанием человеческих сообществ, уверовавших в них, и в этом умозрении обретших свое бытие. Верой людской легенда превращается в *исторический факт*, влияющий на ход истории, что в терминах методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского обозначает ее *историческую действительность*.

Анциферов считал методологически важным, не отвергая “низких истин”, обратиться к исторической действительности “возвышающего обмана” легенды, “узаконенной сознанием человеческого общества и в нем обретшей свое историческое бытие”. Для пояснения своей мысли он обратился к истории посещения Рима апостолом Петром, факту, исторической наукой “в лице подавляющего числа своих представителей” не признанному. Однако обращение к архитектурному облику столицы Италии свидетельствует обратное: «Те, кто был в “Вечном городе” <...> для тех весь Рим уже полон присутствием апостола Петра». Анциферов гово-

рит об *излучении веры миллионов*, которая “в течение веков, тысячелетия наполняла город св. Петра”. Она насытила образом этого апостола “все камни Рима”.

Опыт социалистической реконструкции, совершенный не только рабским трудом, но колоссальной энергией веры в идеалы социализма, подтверждал высказанное в дневниковых записях Анциферова двадцатых годов наблюдение об “историческом идеализме” большевиков, начавших свою практическую деятельность с идеологической подготовки сознания общества. Социальный историк, по мнению Анциферова, не должен упускать из виду “внутреннюю действительность” истории. Вновь, в цитируемой работе, Анциферов возвращается к главной методологической идее, впервые высказанной им в работах двадцатых годов, о пригодности для социального историка “художественных” методов писателя: «Плох тот историк, который совсем не поэт, который не способен ощутить действенное бытие легенды, связанной с “историческим местом”» [40, л. 10–13].

Диссертация Анциферова строилась на фундаменте его “петербургской трилогии” и развивала ее с опорой на жизненный опыт, практическую деятельность автора и теоретическую разработку им в предыдущие годы методологии литературной науки. Главный вопрос, на который искал ответ историк Петербурга Анциферов, был вопрос о последствиях, которые ожидают общество, попытавшееся отменить историческую духовную “надстройку” древних поселений. Государство, взявшееся разрушить вещественные формы их многовекового существования и преуспевшее в этом, осталось тем не менее заложником исторического природного своеобразия и географического положения родины, так и не сумело преодолеть исконной “власти земли”.

Идея преображенного Петербурга, исследованная Анциферовым на материале творчества Достоевского, в годы Великой Отечественной войны восполняла провалы в исторической памяти России. Изучение художественного и публицистического наследия писателя помогло ученому выявить присущий урбанистической образности Достоевского нравственный компонент предания о городе, послужившего России *даже до смерти*, – легенду, превратившуюся в годы войны в *исторический факт*.

Ленинград, чье историческое и географическое положение не изменили годы социалистической реконструкции, сохранил свое историческое родословие, восходящее к государственной деятельности Александра Невского. В неопубликованной монографии “Непобедимый город. Петербург–Петроград–Ленинград”, над которой (в рамках серии “Героические города СССР”) Анциферов работал в годы войны, эта тема обозначена с особенной силой: «Легенда, вышедшая из кругов враждебных “Петра творенью”, называла новую столицу горо-

¹ Работа была впервые опубликована в издании: Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 (6). М.: Модест Колеров, 2004. С. 136–162.

дом, построенным на чужбине. Этот ложный взгляд укоренился и в литературе». В действительности Петербург был основан на исконной русской земле, в борьбе за которую сталкивались неоднократно новгородцы и шведы. Однако обладание дельтой Невы имело далеко не равное значение для этих народов. Перед шведами не стоял вопрос о выходе к морю. «Шведы бились за обладание Невой для того, чтобы не допустить к ней русских, боясь их соперничества в Балтийском море, боясь их все возрастающей мощи. Русским же устье Невы было насущно необходимо, как естественный выход к морю, диктуемый всей речной системой великой страны. Здесь, действительно, самой природой указано “окно в Европу”» [41, л.1]. Таким образом, по мнению ученого, возникновение Петербурга для России было ее неизбежной исторической судьбой, так как богатая природными ресурсами страна, лишенная выхода к морю, была обречена стать сырьевым придатком для европейских держав.

Как показал в своей диссертации Анциферов, опираясь на исторические свидетельства русской литературы, “камни” Ленинграда, политые кровью новых жертв, сохранили центральный компонент его этиологической легенды – предание о городе-“камне”, городе-надгробии, необходимом России в ее грядущем нравственном преображении.

В силовом поле локального метода, примененного Анциферовым в диссертации, выявлены различные грани петербургского предания. Эпоха тотальной деструкции выдвинула в предвоенные годы культурный аспект исторического назначения Петербурга: замеченный в нем Достоевским образ Венеции Севера, самого русского европейского города, давшего в своей культуре неповторимый синтез. Анциферов акцентировал мысль писателя об особом предназначении северной столицы – соединять мировые культурно-политические противоположности и противостояния в гармонии духовно-материальной красоты, – возложенном на Петербург в момент его возникновения.

Будучи в годы Великой Отечественной войны заведующим отделом литературы XIX века ГЛМ, Анциферов разрабатывал темы, связанные с типологическими особенностями русской литературы. В ряде его работ (среди них – обнаруженные нами материалы дискуссий в ГЛМ) находят развитие размышления ученого о типологической особенности русского писателя. Еще в двадцатые годы он утверждал, что русская литература создана художниками с талантом и установками социального историка – краеведа-местнографа. Эта точка зрения Анциферова нашла полную поддержку у Б.В. Томашевского и дополнительную с его стороны аргументацию.

Послевоенная научная деятельность Анциферова также связана с его профессиональными обязанностями в ГЛМ. Он подготавливал выставки и экспозиции, посвященные русским писателям и по-

этам, разрабатывал экскурсии по Москве Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Герцена, Чехова. Накопленный историко-литературный материал выливался в частично опубликованные статьи и книги по этой тематике, в цикл очерков “Литературная Москва”. Продолжалась его многолетняя работа по изучению пушкинского “Медного всадника”.

Урбанистическая проблематика историко-литературных исследований, зародившись в Петербурге, в градоведческих семинариях И.М. Гревса, навсегда осталась главным научным интересом Анциферова. “Московский период” жизни ученого на первый план выдвинул разработку “литературоведческого урбанизма”. Локально-исторический метод, представленный Анциферовым в его диссертационном исследовании, не потерял научной актуальности и сегодня. Говоря о методологическом значении литературоведческих работ Н.П. Анциферова, уместно будет вспомнить слова, прозвучавшие на его защите из уст второго неофициального оппонента, Евгения Борисовича Тагера. По его мнению, работы Николая Павловича открыли новую страницу в отечественном литературоведении, “страницу, обязывающую, чтобы она была продолжена общими усилиями работниками литературной науки” [39, л. 111].

Сегодня, когда гуманитарные науки освободились от догматизма теории, обрели вкус к первоисточнику, когда понимание *индивидуального* вновь становится главной целью исторической науки, возможно, наступает момент воскрешения “души” анциферовского “городского текста” – возвращения к нам “полновесного” слова этого выдающегося ученого.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-04-00116а “Русская литература 1920–1930-х гг. и краеведение (историко-культурный и идейно-творческий аспекты)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1.
2. Кумпан К.А. и Конечный А.М. Наблюдения над топографией “Преступления и наказания” // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 2.
3. Корниенко Н.В. Москва во времени. (Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10–30-х гг. XX в.) // Москва в русской и мировой литературе. М.: Наследие, 2000.
4. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство–СПб., 2003.
5. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Составление, вступительная статья, примечания

- А.И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992.
6. ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 117.
7. *Анциферов Н.* Звонит слава в Киеве // Литература и искусство, 1943, № 46 (98), 13 ноября.
8. *Анциферов Н.П.* “Непостижимый город...”. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. Л.: Лениздат, 1991.
9. ОР ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 55.
10. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 1. Пг.: Российская Государственная Академическая Типография, 1923.
11. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 23. Д. 30.
12. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
13. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3. № 4.
14. *Анциферов Н.П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг.: Культурно-просветительское товарищество “Начатки знаний”, 1923.
15. *Гревс И.М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. Т. 1. № 3.
16. *Ростовцев Е.А.* Наследие Лаппо-Данилевского в отечественной науке // Историческая наука и методология в России XX века. СПб.: Северная Звезда, 2003.
17. ОР ИМЛИ. Ф. 427. Оп. 2. Д. 4.
18. ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 31.
19. *Зубов В.П.* Страдные годы России / Составление, комментарий Т.Д. Исмагуловой. М.: Индрик, 2004.
20. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925.
21. *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Вступительная статья Н.В. Корниенко; составление, послесловие Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
22. *Анциферов Н.П.* Беллетристы-краеведы. (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // Краеведение. 1927. Т. 4. № 1.
23. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
24. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000.
25. Литературный дневник // Красная газета. Вечерний выпуск, 1922, № 33, 2 ноября. Без подписи.
26. ОР ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 55.
27. *Анциферов Н.П.* Теория и практика литературных экскурсий. Л.: Сеятель, 1926.
28. РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 40.
29. *Горький А.М.* Письмо И.В. Сталину от 8 января 1930 г. // Власть и художественная интеллигенция. 1917–1953. М.: МФД, 2002.
30. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. // Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
31. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 529.
32. *Горький М.* Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М.: Наследие, 2000.
33. РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 3. Ед. хр. 18.
34. ОР РНБ. Ф. 423. Ед. хр. 644.
35. РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 646.
36. ГАРФ. Ф. А-629. Оп. 1. Д. 186а.
37. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 620.
38. *Анциферов Н.П.* Письма Г.А. Штерну // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 167.
39. Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 126.
40. *Анциферов Н.П.* Историческая наука как форма борьбы за вечность // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 72.
41. ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 77.